

## КОМАНДИРОВКА

Единственный раз в моей судебно-медицинской жизни не состоялась эксгумация. Не помогла даже (может, помешала!) медицинская деонтология.

### Следственный эксперимент

*«В целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент..., если при этом... не создается опасности для... здоровья» окружающих.*  
**УПК РСФСР, статья 183.**

Рейсовый автобус задавил пешехода. Насмерть. Прямо на остановке. «Гаишники» выполнили осмотр места ДТП и автобуса, опросили водителя и свидетелей, отправили труп в морг. Было не совсем ясно – кто виноват. Водитель, нарушивший правила «останавливания-трогания», то ли пешеход, то ли гололёд. И следователь, не откладывая выяснение истины до утра, распорядился повторить маневры злополучного автобуса. Ошеломлённый несчастем водитель не посмел отказать. Катание вперёд-взад по автобусной остановке и в быстро сгущающихся зимних сумерках привело к ещё одной жертве. Гибели молодого парня.

Цикл неотложных действий повторился (см. выше). Новый виток следственной спирали завершился отправкой в морг второго трупа, а водителя - в камеру. Маневры были оформлены как следственный эксперимент, в протокол которого включили и парня. В качестве понятого. Надо же как-то оправдать присутствие зеваки в опасном месте.

Само собой решилось, что во второй смерти виноват водитель. Не милиция же! А о первой смерти и говорить нечего. Следственный же эксперимент показал! Водитель получил за двух пешеходов почти на всю катушку<sup>1</sup>. Родственники первого пешехода были «отомщены» с избытком. Родители второго, справедливо подозревая милицию в уловках, позволивших ей избежать наказания за смерть сына, суровым приговором не удовлетворились. И стали писать жалобы в милицию, прокуратуру, суд, советско-партийные органы. Сначала на уровне города Нефтеюганска. Затем в областные инстанции. К жалобам они обстоятельно прикладывали всю предыдущую переписку. Когда они добрались до Москвы, в Генеральной прокуратуре поняли, что чернила у жалобщиков закончатся не скоро. И повелели «решить вопрос». Областная прокуратура, которая также числилась по этому делу «отписантом», а сейчас была назначена исполнителем, обратилась к нам.

Изучив в уголовном деле, поднятном из судебного архива, события трехлетней давности, наметил план действий. Передопрощить, но уже с моим участием организаторов и свидетелей опасного эксперимента, водителя, отбывавшего срок в Нижне-Тагильской колонии. Провести (с моим участием!) автотехническую экспертизу. Но в первую очередь эксгумировать труп и разобраться по сломанным костям, порванным связкам и сухожилиям, что же произошло. Первичное исследование выполнено на добротном-рядовом уровне, но здесь случай особый. Пока не составишь собственную гипотезу ДТП (с подвариантами!), ос-

нованную на объективных данных, бесполезно двигаться дальше. Кстати, а где повреждённая одежда?

Областная прокуратура с моими доводами согласилась, несмотря на то, что «поятой» был захоронен в Калининграде, на родине. И командировала со мной прокурора-криминалиста.

### Кладбище

*Извлечение «трупа из места захоронения... производится в присутствии... врача-специалиста в области судебной медицины...».*  
**УПК РСФСР, статья 180.**

Смотритель кёнигсбергского кладбища вёл нас по дорожке, усыпанной мелкой цветастой щебенкой и переливающейся на ярком солнце разноцветными искрами. Я с интересом глазел на сохранившиеся остроугольные многовековой немецкой культуры<sup>2</sup>. Анас Каусарович, мой служебный попутчик, шагал целеустремлённо, не отвлекаясь на чужое благолепие. Синий прокурорский костюм плотно облегал его коренастую фигуру. Широкая щётка чёрных усов воинственно топорщилась. Про себя я поддразнивал его, боясь обмолвиться вслух, – Ананас Корсарович<sup>3</sup>.

Нужное захоронение оказалось в старой части кладбища. Бывший человек и пешеход был упакован под многотонный широкий монолит с вертикальным монументом. Назвать всё это могилой – повернётся только суконный язык российского следователя в протоколе предстоящей эксгумации. «Чтобы извлечь, – соображал я, – придётся рыть параллельно и у края плиты новую могилу, потом выкладывать по всем правилам шахтёрского искусства горизонтальный штрек, откапывать гроб и, пятясь задним ходом, выбираться наверх». «Вирануть»<sup>4</sup> грандиозный памятник с основанием не удастся – автокран не подпустят столетние деревья. Посмотрел на прокурора. Усы приуныли. Было отчего. Смотритель мои врачебно-такелажные размышления подтвердил.

Но нет задач, которые бы не осилили большевики в блоке с беспартийными. Из прокуратуры Калининградской области мы дозвонились до Тюмени и поставили в известность. Думаю, что наше сообщение запустило прокурорско-партийные переговоры по маршруту Тюмень-Москва-Калининград. Платить тогда было не принято. Всех хозяйственников ломали через жёсткую партийную коленку. По опыту знал, что всё должно закончиться командой местным ритуальщикам безвозмездно и безотлагательно оказать помощь тюменским товарищам. А пока было велено ждать.

### Деонтологическое действо

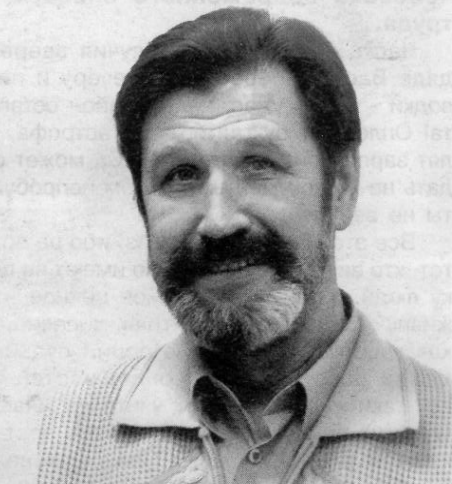
*Деонтология не предусмотрена ни одним законом СССР, РСФСР, РФ или Калининградской области.*  
**Автор.**

УПК РСФСР не обязывал следователя ставить в известность родственников умершего об освящённом законом вскрытии могилы, а тем более испрашивать разрешения.

Тем не менее, не знаю случая, чтобы родственники не были заранее проинформированы, а эксгумация состоялась в случае их ожесточённого неприятия. Переступить нравственный порог не решался никто. Так что встреча с родителями была неизбежна. Кроме того, профессиональная педантичность не позволяла мне упустить возможность выяснить судьбу одежды и обуви «поятой», которая была интересна как дополнительный объект экспертизы.

А.К. привычно выписал повестку и уже договаривался с заместителем облпрокурора по следствию, чтобы водитель отвёз её родителям на дом. Вдруг мою заскорузлую душу что-то осенило. Любое приглашение в прокуратуру настораживает самого добродушного и законопослушного гражданина. Я представил себе, как родственники, вынув из почтового ящика невзрачную с виду бумажку, проведут бессонную ночь и явятся к нам неприступные как противотанковые ежи. И решил перехватить инициативу в свои деонтологические руки: «Поедем вечером сами, без предупреждения!». Корсар, ещё пребывавший в послекладбищенском смячении (эта эксгумация была для него первой!) и ответственно переживавший за исход командировки, легко уступил мне лидерство.

Когда мы позвонили в дверь, отец и мать погибшего готовились вечерять за круглым столом в зальной комнате. Появление непрошенных гостей, особенно бравого прокурора, произвело на них эффект не меньший, чем повестка. Но она бы бесстрастно молчала. А я заговорил (откуда что взялось!), пытаюсь максимально проникнуться душевным состоянием хозяев: «Генеральный прокурор придаёт огромное значение установлению истинных виновников трагической гибели вашего сына. Из опытных сотрудников сформирована мощная следственная бригада, которая перепроверяет всё заново и т.д. и т.п.». Многословно, но уважительно развивая эти простенькие тезисы, я заметил, как первоначальная ошарашенность собеседников плавно перетекает в готовность помочь общему делу. На них произвело впечатление, какая огромная махина приведена в действие из-за них – маленьких людей. И тогда осторожно перешёл к наиделикатнейшей задаче нашей миссии: «Нас специально командировали из Сибири, чтобы выполнить важнейшую часть этой огромной работы. Узнать всё, что вы можете сообщить о смерти сына. Выполнить экспертизу одежды, которую вы получили в нефтеюганском морге. И самое главное – ещё раз исследовать тело». При последних словах мать всплеснула руками, а уже смягчавшееся лицо отца стало вновь неприемлемым. Я употребил всё свое красноречие, чтобы объяснить важность эксгумационного мероприятия. И в завершение официального раздела встречи: «Мы не торопим вас с ответом, но будем ждать, сколько сочтёте нужным». Родители расчувствовались и не захотели отпускать нас без чая. Мы не воспротивились и терпеливо слушали сбивчивое, со всхлипываниями повествование расплакавшейся мамы. Как трудно жили, когда родился единственный Олежа. Каким он рос послушным мальчиком. Как неохотно отпустили его в чужие края – зарабатывать на будущую свадьбу. Как получили смертную телеграмму. Оставившую их одних на всём белом свете. Без сына, невестки, внуков.



...На следующий день родители явились в прокуратуру с осунувшимися от бесплодных мучительных дум лицами и единственным вопросом: «Установит ли повторная экспертиза трупа правду?». Я ответил честно, что поиск истины зависит не только от меня. Но добавил, что мы не можем уехать, не выполнив служебного задания по уголовному делу, которое было возбуждено в связи с вашими же многочисленными обращениями в различные инстанции. Похоже, что мои собеседники были к такому варианту готовы, так как отреагировали незамедлительно: «Мы ничего не хотим больше, только не трогайте нашего сына».

Так оказались тщетными мои деонтологические потуги. Прокурору ничего не оставалось, как запротоколировать отказ от каких-либо претензий. Даже при отсутствии правовых последствий, которых добивались безутешные родители. Мне – исследовать одежду, хотя без трупа это уже не имело никакого значения. Москве – убедиться, что «выжать» из дела более ничего нельзя. Тюмени – дать нам добро на возвращение.

Так бесславно закончилась, благодаря или вопреки медицинской деонтологии<sup>5</sup>, эта командировка. Никогда более не брал я на себя ненадлежащие функции.

<sup>1</sup> Статья 211 Уголовного кодекса РСФСР: «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автомобилем... средством..., повлекшие гибель нескольких человек, наказываются лишением свободы от трёх до пятнадцати лет...».

<sup>2</sup> Koenigsberg основан немецкими рыцарями в 1255 году как замок. Не раз отходил к России, окончательно – в 1945 году. Победитель переименовал город и полностью депортировал местное, пережившее войну население.

<sup>3</sup> Анас – радость, Каусар – обильный (араб). Корсар – пират, морской разбойник.

<sup>4</sup> Вира – поднимай вверх (команда из профессионального жаргона строителей).

<sup>5</sup> Deon, deontos – должное, надлежащее (греч.) общение, в том числе с родственниками умершего (сокращённая формулировка автора).